

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ
Институт государственного управления и политики

Социальная сплоченность и осмысление конфликтов в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана

Кемель Токтомушев

ДОКЛАД №40, 2017

УНИВЕРСИТЕТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВЫСШАЯ ШКОЛА РАЗВИТИЯ
Институт государственного управления и политики

ДОКЛАД №40, 2017

Социальная сплоченность и осмысление конфликтов в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана

Кемель Токтомушев

Краткое изложение

Несмотря на большое число работ, рассматривающих «дискурс опасности» в Ферганской долине, которые превратили Центральную Азию в регион постоянных вмешательств, литературы по конфликтному потенциалу приграничных районов Кыргызстана и Таджикистана недостаточно. Следует отметить, что количество мелких столкновений, создающих напряженность на границе Баткенского и Исфаринского районов, продолжает неуклонно расти. Настоящая работа призвана содействовать пониманию причин эскалации конфликта в данном районе, а также выявлению факторов, усиливающих напряженность между местным населением. Основное внимание в статье уделяется четырем переменным, которые усиливают напряженность и препятствуют восстановлению мирной социальной структуры Баткенского и Исфаринского районов: не устраненные спорные вопросы еще советского прошлого, неэффективное использование природных ресурсов, милитаризация приграничной зоны и отсутствие рекомендаций по вопросам политики на основе фактических данных.

Ключевые слова

Конфликт, Кыргызстан, Таджикистан, природные ресурсы, границы, рекомендации по вопросам политики на основе фактических данных.

Код JEL: D74, O13

Институт государственного управления и политики (ИГУП) был основан в 2011 году в целях содействия систематическому и углубленному анализу вопросов социально-экономического развития стран Центральной Азии, а также изучению альтернативных направлений политики.

Институт государственного управления и политики является частью Высшей школы развития Университета Центральной Азии. Университет Центральной Азии (УЦА), в качестве частного и светского университета, был основан в 2000 году, после того как Президентами Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Его Высочеством Ага Ханом были подписаны Учредительный договор и Устав, ратифицированные парламентами трех республик и зарегистрированные в Организации Объединенных Наций. На сегодняшний день УЦА проводит строительство трех жилых кампусов единого стандарта. Кампус, расположенный в городе Нарын Кыргызской Республики, с сентября 2016 года открыл свои двери учащимся по направлениям «Коммуникации и СМИ» и «Компьютерная наука». Открытие второго кампуса, расположенного в городе Хорог Республики Таджикистан, планируется в сентябре 2017 года, где будет проводиться обучение по направлениям «Экономика» и «Наука о земле и окружающей среде». Третий кампус будет располагаться в городе Текели Республики Казахстан и предположительно будет открыт к 2019 году. Обучение в данном кампусе будет проводиться по направлениям «Инженерно-технические науки» и «Бизнес и управление».

Серия «Записки Института государственного управления и политики» – это рецензируемая серия статей, содержащая исходный материал по широкому кругу тем, посвященных социально-экономическим вопросам, государственному управлению и политике, применительно к странам Центральной Азии.

Редакторы серии рабочих документов ИГУП: Богдан Кравченко и Роман Могилевский.

Об авторе:

Кемель Токтомушев является научным сотрудником Института государственного управления и политики Университета Центральной Азии. Кемель Токтомушев имеет степени доктора политических наук (PhD) Эксетерского университета и магистра международных отношений Лондонской школы экономики и политических наук. Его научные интересы сосредоточены в области внешней политики, неформальной политической экономики, а также на вопросах безопасности стран Центральной Азии. Кемель Токтомушев является автором книги «Кыргызстан – режим безопасности и внешняя политика» (Великобритания: Routledge).

Выражение признательности:

Публикация доклада осуществлена с помощью гранта Института мира США (USIP). Представленная в настоящем докладе точка зрения не является отражением взглядов Института мира США (USIP).

Автор выражает благодарность Дэвиду Льюису (Dr David Lewis) из Эксетерского университета за его комментарии к более ранней версии документа.

Авторское право © 2017

Университет Центральной Азии

720001, Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Токтогула, 138

Тел.: +996 (312) 910 822, E-mail: ippra@ucentralasia.org

Содержание настоящего документа является исключительно предметом ответственности авторов и ни в коей мере не является отражением взглядов Университета Центральной Азии.

Текст и данные настоящей публикации могут быть воспроизведены при условии указания источника

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие	4
2. Этимология конфликта	4
3. Ферганская долина	6
4. Баткенская и Согдийская области	7
5. Причины конфликтов	9
5.1 Советское наследие	9
5.2 Неэффективное использование природных ресурсов	11
5.3 Милитаризация границ	12
5.4 Отсутствие рекомендаций по вопросам политики на основе фактических данных...	14
6. Угрозы радикального исламизма.....	16
7. Рекомендации по вопросам политики.....	18
8. Заключение	19
Список использованной литературы	20

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Оценка значения и масштабов насилия и конфликтного потенциала в современной Ферганской долине является одной из самых распространенных тем в исследованиях постсоветской Центральной Азии. Этот густонаселенный регион на протяжении долгого времени характеризовался как место скрытого межэтнического конфликта. И с этой точки зрения, регион Ферганской долины является не только местом тесного проживания трех крупных этнических групп – кыргызов, узбеков и таджиков, сосуществующих в сети взаимозависимых общин, совместно использующих места захоронения, пастбища и рынки, но и местом, где чаще всего пересекаются этнические и политические границы (Ривз, 2005).

После распада Советского Союза Ферганская долина была сразу дискурсивно помечена как нестабильный, кризисный регион, потенциально опасный в плане межконфессиональных и межэтнических столкновений. Такая риторика характеризовала Центральную Азию как место постоянных интервенций и призывала международное сообщество предпринять необходимые меры по усилению социальной сплоченности и снижению конфликтной напряженности. Однако такого рода действия не привели к гармонии в расколотых сообществах, поскольку были оторваны от местного контекста и конструировали подход к миростроительству, будучи при этом чрезмерно перегруженными технически и процедурно (Хезершоу, 2010). Более того, помимо неверного определения причин конфликтов, международные агентства по оказанию помощи непреднамеренно поддерживали усиление авторитаризма в Центральной Азии, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему росту недовольств и нестабильности в регионе (Бишел, 2005). Удивительно, но многие академические и политически ориентированные работы по-прежнему продолжили подчеркивать необходимость изменений, которые должны прийти извне, со стороны международного сообщества, без учета местных реалий.

В этой связи целью данного исследования является осмысление конфликтов в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана посредством научно-доказательного подхода. Важная задача – определить факторы, ведущие к эскалации конфликта в приграничных районах Кыргызстана и Таджикистана, в Баткене и Исфаре, которые уже на протяжении долгого времени остаются полигонами периодических конфликтов и столкновений с участием гражданских лиц, сил безопасности и государственных чиновников.

2. ЭТИМОЛОГИЯ КОНФЛИКТА

Понимание различных теоретических аспектов конфликта необходимо как для анализа этого явления, так и для разработки соответствующих механизмов ответных мер. После окончания «холодной войны» конфликты уже не воспринимались как производные идеологических позиций, а, скорее, как следствие внутренних антагонизмов. Новые исследования отдавали предпочтение интерпретациям конфликта, которые подчеркивали первобытные этнические, культурные или религиозные различия и которые призывали к международным терапевтическим вмешательствам с целью сдерживания насилия и нестабильности (Насименто, 2011). Такой «интервенционизм» объяснялся искаженным представлением слабых государств как провала проекта современности (Даффилд, 2001; Бишел, 2009; Насименто, 2011). Результатом, согласно этой точке зрения, стал рост несостоявшихся государств, который заложил

основу возникновения «новых войн», характеризующихся новыми формами ведения войн, политикой идентичности, децентрализованным насилием и глобализованной военной экономикой (Калдор, 1999; Насименто, 2011).

Эти «новые войны» приводят к появлению новой раскольнической идентичности, которая подрывает чувство коллективной общности, и им, как правило, трудно положить конец, поскольку причины конфликта зачастую не единичны (Патель, 2012). Противоборствующие стороны заинтересованы в продолжении насилия в силу различных причин, а сторонники гипотезы «новых войн» считают основной движущей силой конфликта алчность или экономические мотивы. Анализ данных о гражданских войнах за период с 1960 по 1999 год позволил Полу Коллье и Анке Хёффлер (2004) разработать эконометрические модели для прогнозирования всплеск гражданских конфликтов. Они пришли к выводу, что модель, акцентированная на возможностях и экономических условиях для сопротивления, демонстрирует высокие показатели, в то время как недовольство, выраженное, например, делением по этническим и религиозным признакам внутри сообщества, не имеет серьезной доказательной базы. Эти выводы способствовали дальнейшим спорам о первопричинах конфликта: что именно способствует развитию антагонизмов – «алчность» или «недовольство».

Хотя такой подход к экономическим факторам позволил выявить новый параметр конфликта, многие наблюдатели не были убеждены, что «новые войны» в действительности так «новы» (Калывас, 2001; Бердаль, 2003). Они утверждали, что роль экономических факторов нельзя легко отделить от других факторов, которые приводят к насилию, и поэтому необходимо рассматривать весь спектр мотивов, в том числе характер недовольств и их взаимосвязь (Бердаль, 2003; Кин, 2012). В этом контексте, теория затяжного социального конфликта Эдварда Азара (1990), несмотря на то, что ее считают архаичной, может быть полезной для осмысления динамики современного конфликта. Азар выделил четыре переменные, которые обуславливают преобразование неконфликтных ситуаций в конфликтные: местный контекст, человеческие потребности, роль правительства и государства и международные связи. Как подчеркнул Оливер Рамсботам (2005: 123), рекомендации в области политики, вытекающие в результате использования экономического подхода, не отличаются существенно от рекомендаций, выдвинутых Азаром. Последние заключаются в важности регулирования доминирующей роли определенной этнической группы, а также решения проблем, связанных с отсутствием экономических возможностей и неспособностью правительства защищать меньшинства и регулировать влияние диаспор.

Основываясь на этих вопросах, Пол Роджерс (2007) определил три вероятных тренда многочисленных современных конфликтов. Первый обусловлен миграцией людей, причиной которой являются социальные, экономические и экологические мотивы. Усиливающиеся националистические тенденции и обусловленные культурными различиями конфликты могут проявляться в наиболее уязвимых сообществах в регионах, лишенных относительных благ. Второй тренд – это конкурентная и сопровождающаяся насилием реакция со стороны обездоленных внутри и между государствами. Третий тренд – это конфликты, будь то локальные или региональные, связанные с окружающей средой и ресурсами, такими как пресная вода, продовольствие или ископаемое топливо.

Последний тренд уже давно ассоциируют с Центральноазиатским регионом, так как многие наблюдатели предсказывали ожесточенную борьбу в Ферганской долине из-за доступа к ограниченным природным ресурсам и их использования. В частности, они прогнозировали, что неудовлетворенные потребности людей и проницаемые

границы усугубят эту борьбу и приведут к разделению национальных сообществ в регионе по этническому признаку.

3. ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА

Ферганская долина – это широкая ромбовидная равнинная местность, расположенная в самом сердце Центральной Азии и охватывающая южную часть Кыргызстана, север Таджикистана и восточную часть Узбекистана. Окруженная горами Кураминского, Чаткальского, Ферганского, Алайского и Туркестанского хребтов и обрамляемая бассейном реки Сырдарья, Ферганская долина площадью 22000 квадратных километров отличается плодородием сельскохозяйственных земель, а основные возделываемые культуры в данном регионе – это хлопок, рис, пшеница, фрукты и овощи.

Орошаемое земледелие появилось в Ферганской долине в позднем бронзовом веке, и в силу продуктивности сельскохозяйственной деятельности Ферганская долина стала одним из самых густонаселенных регионов мира (Саидов, Анарбаев и Горячева, 2011). Численность населения Ферганской долины почти 12–15 млн человек, что составляет приблизительно одну пятую общей численности населения Центральной Азии. Таким образом, как подчеркнул Фредерик Старр и др. (2011: xii), все происходящее в Ферганской долине напрямую затрагивает экономическую, политическую и религиозную сферы всех трех государств – Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Неудивительно, что после распада Советского Союза густонаселенная Ферганская долина возродилась как нестабильный регион, подверженный насильственным и межэтническим конфликтам. Появилась обширная научная и публицистическая литература, посвященная линиям разломов в Центральной Азии. Эти работы призывали «успокоить» долину, поскольку в этом якобы уязвимом регионе была большая вероятность новых конфликтов (Нанн, Рубин и Любин, 1999). Несмотря на различия в деталях, сторонники «успокоения» долины считали, что потенциал для конфликта обусловлен целым рядом факторов: бедностью, перенаселенностью, безработицей, экологическими кризисами, фрагментацией по этническому признаку, незаконным оборотом наркотиков, национализмом, коррупцией, авторитаризмом, мусульманским фундаментализмом и даже конспирологическим участием третьих сторон (Нанн, Рубин и Любин, 1999; Табышалиева, 1999; Слим, 2001; Осипов, 2002; Ротар, 2012).

Хотя большинство этих работ о «грядущей катастрофе в долине»¹ не смогли продемонстрировать наличие реальных угроз насилия в регионе или подтвердить масштабы прогнозируемых конфликтных настроений фактическими данными (Мегоран, 2000: 21), тем не менее удалось вновь показать Ферганскую долину как регион, требующий внешних вмешательств. Как резюмировала Кристин Бишел (2009), эти работы, явно «агентивные» по своему характеру, описали положение дел в Центральной Азии как требующее незамедлительных мер извне по предотвращению ужасающих последствий, ожидающих регион, и соответственно призывали международные агентства способствовать быстрому принятию рекомендаций по смягчению предполагаемого конфликта. Довольно часто эти исследователи, эксперты и агентства по развитию претендовали на привилегированное к себе отношение из-за якобы понимания ими реального положения дел в Центральной Азии и на

¹ Как описывает Старр (2011: xiii).

вытекающее отсюда обязательство излечивать болезни, ими же и диагностируемые с их привилегированных позиций (Томпсон и Хезершоу, 2005: 4).

С конца 1990-х годов международные агентства по оказанию помощи продвигали широкий спектр мер по предотвращению конфликтов в Ферганской долине. Они включали проекты по снижению предрассудков, просвещению с целью привития толерантности, внедрению систем раннего предупреждения, а также тематические инициативы в области трансграничного сотрудничества, курсы по обучению предпринимательской деятельности, программы по микрокредитованию и тренинги по управлению границами (Де Мартино, 2001). Эта помощь, как правило, была направлена на внедрение принципов содействия «либеральному миру» на глобальном Юге с акцентом на демократизацию и экономическую либерализацию (Бишел, 2009). Действительно, возникшее в 1980-х годах как панацея развития «волшебное трио» – рынок, демократия и гражданское общество, стало лекарством от проблем развития 1990-х (Уайт, 1994; Хиллани, 2001: 12). Вмешательства такого рода были непосредственно связаны с конкретной концептуализацией конфликта международными агентствами по оказанию помощи. Большинство агентств предполагало, что конфликт в Центральной Азии вспыхнет из-за скудных природных ресурсов; что конфликтующие стороны будут разделены по этническому признаку; и что недостаточное экономическое развитие, проницаемые границы и неудовлетворенные потребности людей приведут к насилию.

В то время как реформы, проводимые по шаблону западных стран, не сумели привести к становлению плюралистического общества и демократическим преобразованиям в регионе, само наличие множества инициатив, направленных на предотвращение конфликтов, продемонстрировало, что конфликты в Центральной Азии, будь то реальные или предполагаемые, не могут быть сведены к одной переменной. В конечном итоге, как подчеркнул Ник Мегоран (2000: 25), в настоящее время в Ферганской долине присутствуют многие факторы, которые вызвали конфликты в других частях мира, и поэтому основная цель исследователей, агентств по оказанию помощи, правительств и равным образом местных сообществ заключается в том, чтобы внедрить изменения, необходимые для предотвращения конфликтов и усилению социальной сплоченности.

4. БАТКЕНСКАЯ И СОГДИЙСКАЯ ОБЛАСТИ

Несмотря на преобладание работ о «катастрофизации» в Ферганской долине, литературы о конфликтном потенциале в кыргызско-таджикской приграничной зоне не так много, несмотря на то, что число мелких столкновений на этих границах неуклонно растет, а напряженность усиливается. Баткенская область, которая является частью Ферганской долины, расположена в юго-западной части Кыргызстана. 12 октября 1999 года эта область была позиционирована как седьмая отдельная область Кыргызстана частично из-за вторжений панисламистских боевиков-экстремистов в Ферганскую долину. Население данной области составляет 492600 человек и в значительной степени зависит от животноводства и сельскохозяйственного производства (Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2016). Численность населения Согдийской области, региона с самой большой долей обрабатываемых земель в Таджикистане и расположенного в северо-западной части республики, составляет почти 2349000 жителей. Это единственный регион в Таджикистане, полностью зависящий от внешних источников воды (Мурзакулова и Местре, 2016: 7).

Из 971-километровой границы, разделяющей Кыргызстан и Таджикистан, официально согласовано лишь 519 километров (Триллинг, 2014; *Спутник*, 2016). Спорные участки, разделяющие эти два государства, проходят через Баткенскую область Кыргызстана и Согдийскую область Таджикистана. Кроме того, есть два анклава – это таджикские районы Ворух и Западная Калача, которые расположены в Баткенской области. Именно в этих районах наблюдаются периодические конфликты, в которые втягиваются гражданские лица, силы безопасности и государственные чиновники. В частности, по мнению наблюдателей, самая высокая степень межэтнической напряженности наблюдается в южной части Исфаринского района Согдийской области (джамоаты Чорку, Сурх, Ворух и Шураб²) и в западной части Баткенской области (муниципалитеты Ак-Сай, Самаркандек и Ак-Татыр) (Бишел, 2009: 103).

В целом, конфликты на границах Баткенской и Согдийской областей омрачили годы независимости как для Кыргызстана, так и для Таджикистана (например, в 2000, 2003, 2005, 2008, 2011, 2014, 2015 годах). По некоторым сообщениям, в период с 2011 по 2013 год на кыргызско-таджикской границе произошло 63 инцидента – от небольших стычек до захвата заложников (Холики и Рахимов, 2015). В период серьезной эскалации в ход нередко шли камни и садовые инструменты, совершались поджоги, в связи с чем периоды эскалации конфликта часто называли «кетменными войнами» (Бишел, 2009)³.

Однако во время конфликта в январе 2014 года было отмечено новое его проявление. Правительство Кыргызстана начало строительство альтернативной дороги вдоль сел Кок-Таш - Ак-Сай - Тамдык, которая будет проложена в обход таджикского анклава Ворух. 11 января на строительную площадку прибыли солдаты Таджикской пограничной службы и между ними и рабочими, прокладывавшими дорогу, произошло столкновение (*Азия-Плюс*, 2014). В ходе дальнейшего противостояния кыргызские и таджикские пограничники открыли огонь. В результате 5 кыргызских солдат и 3 таджикских солдата получили ранения (*Азаттык*, 2014б). Министерство иностранных дел Таджикистана настаивало на том, что участок объездной дороги проходит через спорный земельный участок, и поэтому таджикские пограничники имели право блокировать строительство (*Азия-Плюс*, 2014). А кыргызская сторона утверждала, что дорога проходит через территорию Кыргызстана и построена для обеспечения безопасного и независимого передвижения граждан Кыргызстана, которым в противном случае пришлось бы пересекать анклав Ворух (*Кабар*, 2014; *Knews*, 2014).

Если в предыдущих случаях конфликты перерастали в «кетменные войны» или в столкновениях принимали участие только гражданские лица, вооруженные камнями и садовыми инструментами, то этот конфликт перерос в столкновение с вовлечением регулярных армейских подразделений и с применением предположительно тяжелого оружия, как, например, минометы и гранатометы (*Азия-Плюс*, 2014; Токтоналиев, Олимова и Пирназаров, 2014). Эта угрожающая тенденция побудила правительства Кыргызстана и Таджикистан вновь сесть за стол переговоров и разработать решения, направленные на устранение коренных причин проблемы (*Азаттык*, 2014а).

Тем не менее, несмотря на дальнейшие межправительственные переговоры о необходимости смягчить напряженность на кыргызско-таджикских границах, число единичных случаев насилия не уменьшилось. Через два месяца после заседания

² В Таджикистане джамоат – это административное подразделение, муниципалитет.

³ Кетмень – это садовый инструмент.

межправительственной комиссии 7 мая 2014 года на кыргызско-таджикской границе снова произошли столкновения с участием почти 1500 человек, в результате чего несколько человек получили ранения, не говоря уже о сожженных автомобилях и бензозаправочных станциях (Турмуш, 2014а; Турмуш, 2014б; Винсон, 2014). Только недавно, 22 января 2017 года, десятки молодых людей с обеих сторон приняли участие в столкновении в районе села Кок-Таш (Толканов, 2017). Как отмечают Абдулхолик Холики и Набиджон Рахимов (2015), латентный конфликт между Исфарой и Баткеном, унаследованный от советского прошлого, по-прежнему преследует современные Кыргызстан и Таджикистан, тем самым препятствуя экономическому и культурному сотрудничеству, осложняя межгосударственные отношения и унося жизни гражданских лиц.

5. ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТОВ

Как уже отмечалось ранее, с конца 1990-х годов международные организации по оказанию помощи продвигали широкий спектр мероприятий, направленных на предотвращение конфликтов в Ферганской долине, в соответствии с основополагающими принципами содействия «либеральному миру». Считалось, что эти конфликты являются результатом неупорядоченности границ, скудных природных ресурсов, недостаточного экономического развития и неудовлетворенных потребностей местного населения. Более тщательный анализ напряженности между Баткеном и Исфарой показал, что эскалация конфликтов в регионе также обусловлена советским наследием и отсутствием научно-доказательного подхода в принятии политических решений в дополнение к неэффективному использованию природных ресурсов и милитаризации границ.

5.1. Советское наследие

Несмотря на то, что современная история Кыргызстана и Таджикистана омрачена трансграничными конфликтами, эти конфликты не характерны исключительно для периода независимости данных стран. В советское время этот регион также переживал ряд конфликтов, несмотря на широко распространенное мнение о том, что территориальные конфликты в Центральной Азии по своей сути являются феноменом постсоветского периода.

В 1924 году после первоначальной национально-территориальной делимитации границ Кыргызская Автономная Советская Социалистическая Республика (АССР) обратилась к советскому центральному правительству с просьбой о передаче Кыргызской АССР Исфаринской и Сохской административных единиц (Койчиев, 2003; Бишел, 2009). Однако, основываясь на результатах оценок, сделанных межреспубликанскими комиссиями, центральное правительство отклонило обращение Кыргызской АССР и постановило, что Исфара и Сох останутся в юрисдикции Узбекской Советской Социалистической Республики⁴. Кыргызская АССР и Узбекская ССР продолжили оспаривать это решение, несмотря на заявление центрального правительства об «окончательном урегулировании» национально-территориального делимитирования границ в Ферганской долине.

В результате, региональные территориальные споры были приостановлены, а административные деления так и оставались не признанными (Койчиев, 2003).

⁴ Таджикская АССР была автономной республикой в составе Узбекской ССР.

Тем не менее, время от времени в Баткенском и Исфаринском районах происходили столкновения из-за земель (Бишел, 2009). Например, в 1936 году произошло столкновение между кочевыми кыргызами и оседлыми таджиками из-за зимней стоянки в районе анклава Ворух, в результате чего несколько человек было убито и много ранено.

В конце 1960-х годов фермерское хозяйство Исфаринского района начало расширяться до пастбищ совхоза, расположенных в Баткенской области. Хотя советское министерство сельского хозяйства разрешило исфаринскому колхозу использовать земли в качестве пастбищ, из-за быстрого роста населения исфаринский колхоз решил построить канал на этих землях, чтобы расширить орошаемую площадь ранее возделывавшихся земель (Бишел, 2009). Недовольные этим жители кыргызских сел обращались в различные инстанции, в том числе направляли петиции в центральное правительство (Бишел, 2009). Не дождавшись соответствующей реакции со стороны властей, жители кыргызских сел решили вмешаться сами, что привело к эскалации столкновений между кыргызскими и таджикскими сельчанами в 1969, 1970 и 1975 годах.

После конфликта в 1975 году межреспубликанская комиссия приняла решение о разделе спорных земель между двумя фермерскими хозяйствами и переселении кыргызов в недавно созданное село Ак-Сай (Бишел, 2009; Ресурсный центр джамоата Ворух, 2011). Кроме того, эта комиссия обязала исфаринский колхоз обеспечивать водой баткенский колхоз в оросительный период. Однако это предписание не выполнялось, так как воды из канала Мехнатобод-Ак-Сай едва хватало на удовлетворение потребностей жителей села Ворух (Бишел, 2009). Как следствие, под давлением недовольных жителей кыргызских сел Киргизская ССР решила построить собственную насосную станцию для удовлетворения потребностей в воде Ак-Сайской общины.

В 1989 году спор из-за земельного участка между селами Уч-Добо и Ходжай-Ало перерос в ожесточенный конфликт, в котором участвовали жители сел Ворух и Ак-Сай (Бишел, 2009; Ресурсный центр джамоата Ворух, 2011; Сафар, 2011). Предположительно, жители таджикского села попытались начать обработку земель, на которых находились кыргызские пастбища, однако, встретив сопротивление со стороны кыргызских жителей, они заблокировали канал Ак-Татыр, который обеспечивал водой кыргызские села, расположенные в низовье. Жители кыргызских сел хотели принудительно разблокировать канал, но, в свою очередь, также встретили яростное сопротивление со стороны таджикских жителей. Насилие между сельчанами было остановлено только после вмешательства советских солдат (Бишел, 2009).

Краткий обзор эскалации конфликта в Баткенско-Исфаринском регионе в советское время показывает, что конфликты в этой части Ферганской долины – явление не новое, присущее исключительно периоду постсоветского государственного строительства, и что случаи эскалации конфликта были зарегистрированы еще в 1930-х годах. Характер этих конфликтов подтверждает, что центральное правительство СССР отдавало явное предпочтение оседлому образу жизни и сельскохозяйственному производству, а не кочевому образу жизни и животноводству, о чем свидетельствует большая часть истории конфликта в Баткенско-Исфаринском регионе (Бишел, 2009). Стремясь обеспечить экономическую независимость Советского Союза, центральное правительство в Москве сделало ставку на увеличение площади пахотных земель под сельское хозяйство, в том числе за счет пастбищ. Проекты по модернизации в СССР не только затронули кочевое и полукочевое население и давно устоявшийся образ жизни

в Центральной Азии, но и подготовили почву для экологических катастроф, таких как истощение Аральского моря. В свою очередь, неспособность советского правительства предотвратить непреднамеренные последствия своей политики привела к тому, что Баткенско-Исфаринский регион стал спорным районом, разделившимся на оседлых таджиков и ведущих кочевой образ жизни кыргызов.

5.2. Неэффективное использование природных ресурсов

Как отмечают многие обозреватели, нехватка природных ресурсов является истинной причиной конфликта, разделяющего общины Баткенского и Исфаринского районов по этническому признаку. В частности, ограниченность водных ресурсов принято считать фактором, влияющим на эскалацию конфликтов в приграничных районах. Однако существует большое количество литературы, в которой утверждается, что причинно-следственная связь между водой и конфликтом до сих пор не установлена (Митчелл, 1973; Тосет и др., 2000). Напротив, даже если конфликт уже возник по каким-либо другим причинам, общие интересы вдоль источников водных ресурсов чаще перевешивают факторы, стимулирующие конфликт, в то время как режимы совместного водопользования в целом являются более устойчивым феноменом в длительном временном отрезке (Вольф, 1998).

Тем не менее, периодически напряженность на участке границы между Баткеном и Исфарой непосредственно связывают именно с дефицитом воды, хотя этот устоявшийся дискурс опровергается более тщательным изучением этого утверждения. По данным AQUASTAT Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) Организации Объединенных Наций, общий объем возобновляемых водных ресурсов в Кыргызстане (4336,00 м³) и Таджикистане (3095,00 м³) выше, чем в Китае (2051,00 м³), Чешской Республике (1245,00 м³), Испании (2384,00 м³), Франции (3325,00 м³) и Германии (1887,00 м³). Разница между объемами водозабора пресной и сельскохозяйственной воды в процентах от общего объема возобновляемых водных ресурсов в Кыргызстане и Таджикистане является значительной, но не критической. В своем исследовании Асель Мурзакулова и Ирен Местре (2015) применили индикатор Фалькенмарка в Кыргызстане и Таджикистане, при котором используется порог в 1700 м³ на душу населения в год для определения того, подвергается ли население стрессу в плане водных ресурсов. Данное исследование показало, что обе эти страны хорошо обеспечены водными ресурсами и не подпадают в категорию стран, находящихся под водным стрессом. Бишел (2009) идет еще дальше и утверждает, что само понятие дефицита является относительной концепцией, охватывающей социальные отношения, политические интересы и основы морали, которые определяют доступ к природным ресурсам, контроль над ними и борьбу за них, и поэтому его не следует отделять от конкретного политического, исторического и культурного контекста.

Другими словами, нехватка воды в Центральной Азии, скорее, обусловлена нерациональным использованием воды, а не ее реально доступным объемом. Как уже упоминалось, политика центрального правительства СССР благоприятствовала оседлому образу жизни и сельскохозяйственному производству; однако в советское время не предпринимались какие-либо меры по рациональному использованию водных ресурсов, а оросительные каналы находились в плачевном состоянии еще до 1990-х годов. В период независимости состояние водной инфраструктуры ухудшилось еще больше, поскольку бюджеты обоих правительств и фермерских хозяйств резко сократились (Изгуэрдо и др., 2010). Сложные системы гидротехнической инфраструктуры,

унаследованные от Советского Союза, предусматривали сотрудничество между государствами Центральной Азии, особенно между государствами, расположенными в верховьях и низовьях реки других водоемов. Тем не менее, унифицированное положение, существовавшее в СССР, давно сменилось резко расходящимися экономическими интересами и мерами безопасности, зависящими от различных стратегических взглядов лидеров стран Центральной Азии.

Как следствие, нынешняя водная инфраструктура на кыргызско-таджикской границе находится в упадке. Водные каналы либо покрыты слоем ила, либо разрушены, а водяные насосы вышли из строя или не работают на полную мощность, все это приводит к дополнительным потерям воды. Поскольку гидротехническая инфраструктура носит трансграничный характер, специального учреждения, ответственного за восстановление и содержание этой инфраструктуры, нет, в то время как ни правительство Кыргызстана, ни правительство Таджикистана не хотят вкладывать средства в водные системы, расположенные за пределами своих национальных границ.

Соответственно, с началом оросительного сезона напряженность на приграничных территориях Баткена и Исфары возрастает. Ожидания от сотрудничества нередко расходятся с действительностью как на межгосударственном, так и на местном уровне. Несмотря на то, что данный район не находится под водным стрессом, водопользователи в низовьях по-прежнему часто лишены воды, в то время как жители в верховьях зачастую злоупотребляют при заборе воды. В свою очередь, водопользователи в низовьях предпринимают попытки смягчить это неравное положение посредством различных механизмов: от переговоров и протестов до создания различных препятствий и саботажа, что приводит, в свою очередь, к дальнейшему обострению проблемы, связанной с вопросом безопасности, и усиливает напряженность.

5.3. Милитаризация границ

В начале августа 2015 года тонкая полоса, разделяющая Кыргызстан и Таджикистан, стала зоной конфликта между гражданами обеих стран. По данным различных источников, в этот инцидент с метанием камней, который продолжался два дня, было вовлечено до 200 человек с каждой стороны (*Спутник*, 2015; Зозуля, 2015; Леонард, 2015). Согласно отчету кыргызской стороны, граждане Таджикистана заблокировали дорогу к кладбищу, используемому как жителями кыргызского села Кок-Таш, так и жителями таджикского села Сомониён. В ответ жители села Кок-Таш заблокировали канал, подающий воду в село Сомониён. Согласно отчету таджикской стороны, эти события происходили в обратном порядке. Хотя социальное единство в этих селах было быстро восстановлено, такие инциденты показывают, как незначительные нарушения неписаных правил могут вызвать вспышки жестоких конфликтов (Леонард, 2015).

Большинство наблюдателей считают демаркацию границы решением, которое смягчит напряженность на кыргызско-таджикской границе. В действительности, вот уже более 25 лет Таджикистан и Кыргызстан не могут договориться о делимитации и демаркации границы. Спорные территории и нечеткие границы, а также территориальные единицы, известные как «анклавы», которые отделены от территории своей страны землями других стран, «заполонили» карту Ферганской долины. Похоже, что такие разрывы только еще больше усугубляют текущие споры

из-за водных и земельных ресурсов и подпитывает дальнейшую экономическую неопределенность и межэтническую вражду.

Как уже упоминалось, вскоре после распада СССР Ферганская долина была дискурсивно помечена как нестабильный, охваченный кризисом регион, предрасположенный к межэтническому насилию. Эти предположения были основаны на нормативной идее о том, что концепция территориальной неопределенности является метонимом латентного конфликта и опасности для гражданского общества (Ривз, 2005). В результате эти дискурсы привели к тому, что Центральная Азия стала рассматриваться как площадка для интервенций, побуждая международное сообщество принять меры, чтобы смягчить конфликтный потенциал и способствовать мирному развитию. Довольно часто, однако, такие интервенции не приводили к формированию спокойных и мирных границ (Д.Т., 2014).

Одно из самых серьезных заблуждений национальных и международных наблюдателей заключалось в том, что ужесточение пограничного контроля смягчит конфликтный потенциал в регионе. Хотя укрепление пограничных служб и инфраструктуры может являться неременным условием современного государства, укрепление еще до конца не определенных участков границы может стать камнем преткновения. Как подчеркивает Бишел (2009), в случае с Баткенско-Исфаринским регионом пограничные посты и контрольно-пропускные пункты лишь усугубляли существующую напряженность. Регион, в котором различные этнические группы на протяжении долгого времени сосуществовали в рамках сети взаимозависимых сообществ, нуждался в более деликатном и человечном подходе. А новые государственные границы очень часто не совпадали с границами родственных уз, вероисповедания, дружбы, работы и торговли (Ривз, 2014).

Вместо содействия социальной сплоченности, ограждения из колючей проволоки, проверка паспортов и строительство объездных дорог еще более углубляют существующие разрывы (Ривз, 2014). Этот феномен объясняет, почему, например, объездная дорога, в настоящее время известная среди местного населения как «кыргызская дорога», стала причиной конфронтации между кыргызскими и таджикскими селами. Применение государственной территориальности привело к лишению таджикских общин возможности использовать территории, которые ранее считались совместными. Вследствие этого недовольная таджикская молодежь забрасывает камнями проезжающие по объездной дороге автомобили, что, в свою очередь, приводит к ответным мерам со стороны водителей автомобилей и к дальнейшей эскалации конфликтной ситуации.

Анна Матвеева (2017) обозначает границы как места, где общины проецируют свои страхи друг на друга, будь то страхи быть окруженными и пойманными в ловушку или страхи потерять территорию, активы и ресурсы. В определенном смысле страх становится катализатором формирования идентичности в трансграничных общинах: он укрепляет восприятие коллективной незащищенности даже в периоды спокойствия и способствует возникновению сильной этнической идентичности в пограничной полосе, усиленной новыми идеологиями национальной независимости и ассоциациями «мы против них» (Матвеева, 2017). В свою очередь, даже мелкие споры в Центральной Азии могут обрести характер поляризации по этническому признаку (Матвеева, 2017).

Тем не менее, к эскалации конфликта в Баткенско-Исфаринском районе приводят не проницаемые границы, а, скорее, повышенный акцент на безопасности посредством

милитаризации границ, что привело к изменению характера взаимоотношений в регионе. Строгие пограничные режимы чаще способствуют нестабильности, а не укреплению хрупкого мира, препятствуя трансграничному перемещению через невидимые границы, которые давно регулируются установленными правилами, традициями и историей. Границы, разделяющие современный Кыргызстан и Таджикистан, в советское время административно разделяли две советские социалистические республики. Соответственно, правила и договоренности, регулирующие трансграничные отношения между двумя советскими республиками, были не такими строгими, как применявшиеся к соседям СССР. Однако эта практика изменилась в начале 1990-х годов, так как внутренние административные границы, которые разделяли общины Баткена и Исфары, внезапно вновь стали международными границами, которые после этого отделили «нас» от «них».

По этой причине более строгий пограничный режим в Центральной Азии необязательно олицетворяет более мирную социальную структуру. Вовлечение пограничников и использование военной техники, скорее всего, приведут к эскалации конфликта до совершенно нового уровня – настолько, что нужно будет даже переосмыслить правдоподобность вышеупомянутых работ о «катастрофизации». Конфликт в районе Воруха в мае 2014 года показал, что это уже не «кетменная война», поскольку в нем принимали участие регулярные армейские подразделения и тяжелое оружие, а также направлялись дипломатические ноты протеста. Как подчеркнули Джереми Слэк и др. (2016), для многих политиков «безопасность» означает «милитаризацию», что не относится к людям, живущим на границах. Например, притеснение со стороны сотрудников пограничных и иммиграционных служб противоречит и часто является нарушением понятия «безопасности человека» (Слак и др., 2016; Калдор и др., 2007).

Поэтому движущими факторами конфликтов в районе Баткена и Исфары являются не спорные и проницаемые границы, а скорее, «секьюритизация» взаимоотношений на границе, которая усугубляет существующие споры и подпитывает неопределенность, а также разжигает вражду между сообществами. Вместо того, чтобы снизить число «кетменных войн», милитаризация границ приводит к усилению напряженности, сдерживая любой прогресс на пути мирного урегулирования споров на местах.

5.4. Отсутствие рекомендаций по вопросам политики на основе фактических данных

Неэффективное использование природных ресурсов и милитаризация границ нередко обусловлены тем, что в регионе практически отсутствует научно-доказательный подход к принятию политических решений. В развитых странах преимущественно применяется хорошо устоявшаяся практика разработки политики на основе фактических данных, однако страны Центральной Азии еще не в полной мере ощутили преимущества принятия обоснованных решений. Этот подход предполагает применение систематических фактических данных для постоянного совершенствования решений в области политики. Разработка политики, основанной на результатах качественных исследований и прикладного анализа, играет важную роль в выработке наиболее оптимальных вариантов решений в деле сокращения бедности, стимулирования экономического роста и повышения качества жизни.

Однако институциональный потенциал для проведения тщательных и актуальных для выработки политики исследований является низким во всем регионе. Одним из

основных факторов, способствовавших пробелам в потенциале в сфере государственного управления и прикладных исследований, является общий недостаток инвестиций в создание возможностей для профессионального развития государственных служащих и исследователей. Распад СССР и последующее сокращение числа его образовательных учреждений наряду с отсутствием национального финансирования для проведения качественных исследований подорвали способность Центральноазиатских государств проводить анализы на основе фактических данных. Кроме того, интерес международного научного сообщества в Центральной Азии (по сравнению с началом 1990-х годов) также значительно снизился. В результате, поскольку правительства, международные доноры и субъекты гражданского общества зачастую не имеют доступа к подкрепленным фактами данным для проведения полноценных обсуждений по вопросам политики и принятия обоснованных решений, иногда политика оторвана от фактического контекста на местах, не направлена на выявление коренных причин проблемы и их решение и зачастую только усугубляет ситуацию.

Например, Мурзакулова и Местре (2015) считают, что из-за реформ государственного управления пастбищные угодья в Кыргызстане и Таджикистане находятся в ведении различных учреждений с разными интересами и приоритетами, например, союзов пользователей пастбищ, государственных лесохозяйственных администраций, а также коллективных и индивидуальных фермерских хозяйств. Такая фрагментация усложняет процессы эффективного управления пастбищами. На деле действующий Земельный кодекс Кыргызстана запрещает аренду пастбищ. Однако этот законодательный акт, принятый для снижения деградации пастбищ, не способствует смягчению конфликтного потенциала в Баткенском и Исфаринском районах. Напротив, жители таджикских общин часто дают взятки за незаконный выпас скота, что не только усиливает потенциальные трения между таджикскими сельчанами и кыргызскими пограничниками, но также может вызывать недовольство среди кыргызских общин (Ресурсный центр джамоата Ворух, 2011).

Кроме того, занижаемая численность поголовья домашнего скота жителей Кыргызстана, которые также используют те же пастбища, что и жители таджикских сел, способствует еще большему давлению на землю и более быстрой деградации пастбищ, что в будущем может привести к возникновению новых конфликтов из-за доступа к землям. Как доложили представители Ресурсного центра джамоата Ворух (2011), иногда таджикские пастухи, которые вынуждены проходить через территорию Кыргызстана на пути к своим отдаленным таджикским территориям пастбищ, не могут пройти «экологические контрольно-пропускные пункты» и подвергаются денежным поборам со стороны пограничников, полиции и даже молодежных банд. В качестве решения данной проблемы для того, чтобы облегчить транзит, жители таджикских сел часто нанимают кыргызских пастухов. Однако, в свою очередь, потенциальные потери скота таджикских сельчан также приводят к спорам и конфронтациям, поскольку письменные соглашения между таджикскими владельцами скота и кыргызскими пастухами обычно не заключаются.

Соответственно, разработка политики на основе фактических данных может привести к повышению качества жизни в Баткенско-Исфаринском регионе. Научно-доказательный подход предусматривает тщательное продумывание политических решений. Этот процесс должен быть рациональным и скрупулёзным, а также основываться на наиболее актуальных, контекстуальных и эмпирических данных. В частности, Организация Объединенных Наций определила создание эффективных, действенных и подотчетных институтов на национальном и субнациональном

уровнях одной из наиболее приоритетных целей, которые должны быть достигнуты в рамках Повестки дня устойчивого развития до 2030 года. Такой обоснованный подход поможет не только смягчить напряженность в трансграничных районах, но и способствовать решению более широкого спектра структурных проблем, существующих в регионе.

6. УГРОЗЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА

Как внутри, так и за пределами региона получил широкое распространение дискурс о том, что мусульманская радикализация стремительно охватывает всю Центральную Азию и что в регионе зарождается жестокий религиозный экстремизм. Согласно недавним отчетам Международной кризисной группы (МКГ) (2015), запрещенная в Центральной Азии террористическая организация «Исламское государство» (ИГ) вербует центральноазиатских джихадистов и им сочувствующих и создает свои сети в регионе и близлежащих районах, включая Кавказ и Синьцзян. Насильственные экстремистские группировки набирают обороты с новой силой, в то время как правительства стран Центральной Азии используют эти угрозы для поддержки своих политических программ и ограничения гражданских свобод (МКГ, 2015).

МКГ (2016а, 2016б) подытоживает, что среда в Кыргызстане и Таджикистане благоприятна для радикальных группировок с насильственными целями для создания своих опорных пунктов. Бедность, этнические разногласия, слабость государства и устойчивая коррупция наряду со многими другими факторами привлекают некоторых социально и экономически маргинализованных кыргызов, таджиков и узбеков к более радикальному и финансируемому извне исламу. По словам представителей МКГ, в Кыргызстане уже насчитываются тысячи членов запрещенной в стране «Хизб ут-Тахрир», которые связаны с Исламским движением Узбекистана (ИДУ) и ИГ.

В действительности, на первый взгляд может показаться, что применение такого дискурса к Баткенско-Исфаринскому региону может быть весьма актуальным. В 1999 и 2000 годах в южную часть Кыргызстана вторглись панисламистские экстремисты-боевики ИДУ во главе с Джумой Намангани. Несколько сотен боевиков создали хаос в Баткенской области, терроризируя сельских жителей и захватив заложников, в том числе высокопоставленных должностных лиц Кыргызстана и японских геологов. Около 60 человек были убиты с кыргызской стороны во время столкновений с боевиками экстремистами в 1999 и 2000 годы. Хотя с тех пор таких вторжений экстремистов больше в Кыргызстане не наблюдалось, как предупреждают представители МКГ (2016а), присутствие ИДУ на юге Кыргызстана носит характер режима ожидания, а некоторые из членов ИДУ уже были замечены в качестве вербовщиков жителей стран Центральной Азии, желающих поехать в Сирию.

Тем не менее, несмотря на пугающие прогнозы о том, что регион впадает в пучину радикального исламизма, на данном этапе мало свидетельств, подтверждающих мнение о том, что в Центральной Азии наблюдается значительное проникновение насильственных исламских экстремистских организаций (Хезершоу и Монтгомери, 2014). Джон Хезершоу и Дэвид Монтгомери (2014) утверждают, что угроза насильственного экстремизма в регионе имеет меньшие масштабы и иную форму, чем заявляется в публичных обсуждениях, в том смысле, что она носит изолированный характер, локализована и подавляется секуляризацией в той же степени, в какой она вызвана радикализацией. В период с 2001 по 2013 год в Центральной Азии было

совершено только три акта насилия, ответственность за которые взяли на себя насильственные исламские группировки (в общей сложности погибло 11 человек), тогда как только две из 51 организации, включенных в список определенных иностранных террористических организаций Государственного департамента США – ИДУ и Исламский союз джихада, имеют какие-либо связи с Центральной Азией.

В открытом письме, адресованном МКГ по поводу ее сообщений об исламской радикализации в Центральной Азии, группа ученых, специализирующихся на Центральной Азии (2017), подчеркнула, что «обманчивые и методологически слабые выводы» МКГ могут привести к ряду ошибочных предположений, проблем и решений в реагирующей политической среде Центральной Азии. Подписавшиеся под этим письмом подчеркнули, что нет никакой связи между бедностью и низким уровнем образования и желанием присоединиться к насильственным экстремистским группировкам, а также, что рост нетрадиционных религиозных течений не является показателем повышения насильственного экстремизма. Ученые отмечают, что такие неподтвержденные фактами утверждения наряду с отсутствием полноценной методологии влияют на политику и лиц, принимающих решения в правительстве и международных организациях, которые верят в существование неизбежной угрозы безопасности со стороны ислама и необходимость разрабатывать быстрые ответные меры в форме политики безопасности по отношению к религии.

МКГ немедленно отреагировала на это письмо, выразив готовность к обмену мнениями и идеями, чтобы лучше понять конкретные и многочисленные факторы, которые могут привести к радикализации. Само существование таких противоречивых подходов к пониманию исламской радикализации в Центральной Азии показывает, что эта тема, вызывающая общую обеспокоенность, носит чрезвычайно спорный характер. Даже нет согласия относительно того, сколько граждан Центральноазиатских стран уехало в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к ИГ. По данным Польского института международных отношений, страны Центральной Азии направляют гораздо меньше боевиков в Ирак и Сирию, чем страны Европы, Ближнего Востока и Северной Африки (Динер, Леджик и Рекавек, 2015). Если рассматривать отдельно по каждой стране – 1 из 14400 туркмен, 1 из 40000 таджиков, 1 из 56000 кыргызов, 1 из 58000 узбеков и 1 из 72000 казахов – стали иностранными бойцами в Сирии (Динер, Леджик и Рекавек, 2015).

По данным Польского института международных отношений, в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки эти цифры гораздо более впечатляющие. Например, 1 из 6500 в Ливане, 1 из 5300 в Иордании, 1 из 7300 в Тунисе, 1 из 18200 в Саудовской Аравии и 1 из 22000 в Марокко присоединились к иностранным боевикам в Сирии и Ираке. В Европе: 1 из 11700 в Боснии и Герцеговине, 1 из 23800 в Бельгии и 1 из 55200 во Франции отправились бороться за исламских радикалов в Сирии и Ираке (Динер, Леджик и Рекавек, 2015).

Тем не менее, несмотря на уверенные заявления Польского института международных отношений, диапазон при оценке фактического числа наемников из стран Центральной Азии значительно варьируется. Согласно Генеральному прокурору Кыргызской Республики Индире Жолдубаевой, около 500 граждан Кыргызстана участвуют в боевых действиях в Сирии и еще 500 граждан Кыргызстана, связанных с террористическими организациями, были обнаружены кыргызскими спецслужбами (Иващенко, 2015). Государственный комитет национальной безопасности Кыргызской Республики также подтвердил, что в настоящее время в Сирии находится около 400 граждан Кыргызстана, еще 60 человек вернулись в Кыргызстан и были привлечены

к уголовной ответственности, а 51 человек был убит в Сирии (Иващенко, 2015). По официальным данным, в Таджикистане до 700 граждан Таджикистана присоединились к ИГ в Сирии (Бурская, 2015). Министерство внутренних дел Таджикистана заявило, что, согласно их информации, в Сирии и Ираке 1100 граждан Таджикистана сражаются за ИГ (Назриев, 2017).

Однако относительно низкая заинтересованность граждан Центральноазиатских стран присоединиться к радикальным исламским организациям не означает, что эта проблема не актуальна. Недавние террористические акты в торговом районе Стокгольма, в ночном клубе «Рейна» в Стамбуле и на станции метро в Санкт-Петербурге выставили выходцев из Центральной Азии в печальном свете (Бейли, 2017; БиБиСи, 2017; Готье-Вилларс и Хиншоу, 2017; Ниберг и Мастерс, 2017). И хотя почти невозможно дать объективную оценку степени угрозы со стороны экстремистских организаций по отношению к Кыргызстану или Таджикистану, имеющиеся фактические данные, хотя и скудные, показывают, что радикализация жителей Центральноазиатских стран происходит в действительности, и они присоединяются к группировкам боевиков в Сирии и Ираке. Определяя характеристики таджикских боевиков в Сирии и Ираке, Эдвард Лемон (2016) выявил, что большинство этих боевиков были завербованы в России и прошли через Турцию, чтобы достичь Сирии. Тем не менее, базового профиля, который бы соответствовал всем тем, кто отправился в Сирию, нет: одни боевики получили формальное религиозное образование; другие трудились на низкооплачиваемых работах; некоторые из них высокообразованны (Лемон, 2016). Среди выехавших в Сирию и Ирак были как мужчины, так и женщины. Другими словами, разнообразные предпосылки для радикализации жителей Центральноазиатских стран демонстрируют, что осмысление причин радикализации единым линейным способом является слишком упрощенным и даже вводящим в заблуждение подходом.

Соответственно, гипотеза о том, что жители Исфаринского и Баткенского районов особенно подвержены радикализации – слишком упрощенная. Ограниченные природные ресурсы, недостаточное экономическое развитие, спорные границы и неудовлетворенные потребности людей не являются основополагающими факторами, приводящими к религиозно мотивированному экстремизму. Тем не менее, Центральная Азия по-прежнему является одним из самых изменчивых и уязвимых регионов в мире со слабыми политическими институтами и низкими экономическими показателями. Недостаточные религиозные знания, социальная изоляция и привлекательность антисветских политических идей могут вдохновить граждан Центральноазиатских стран присоединиться к запрещенным экстремистским организациям. Как отметили ученые в своем письме, адресованном МКГ (2017), факторы, которые приводят к радикализации мусульман, специфичны, многообразны и чаще не связаны с религией. Таким образом, необходим более аккуратный и методологически строгий подход для понимания этого явления и его актуальности для таких регионов, как Баткен и Исфара.

7. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ

Правительствам Кыргызстана и Таджикистана:

- Создать потенциал для формирования политики на основе научно-доказательных изысканий как на национальном, так и на субнациональном уровнях.

- Укрепить национальный потенциал для проведения углубленных исследований и прикладного анализа с целью содействия принятию обоснованных решений.
- Продвигать дискурсы межэтнической дружбы и сотрудничества.
- Демилитаризовать границы и применять более аккуратный и гуманный подход к вопросам делимитации и демаркации границы.

Международному сообществу:

- Оказывать помощь правительствам Кыргызстана и Таджикистана в создании совместных моделей управления природными ресурсами.
- Привлечь инвестиции для восстановления и поддержания трансграничной гидротехнической инфраструктуры.
- Содействовать более эффективному использованию природных ресурсов, включая использование пастбищ в Баткенском и Исфаринском районах.
- Применять нюансированный и методологически строгий подход к анализу сложных политических процессов, таких как угрозы мусульманской радикализации, в Центральноазиатском регионе.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на большое количество работ по конфликтологии в Ферганской долине, литературы по конфликтному потенциалу в трансграничных районах Кыргызстана и Таджикистана недостаточно. При этом количество мелких столкновений, создающих напряженность на границе Баткенского и Исфаринского районов, продолжает неуклонно расти. Таким образом, настоящая работа призвана содействовать пониманию онтологии эскалации конфликта в данном районе, а также выявлению факторов, усиливающих напряженность среди местного населения.

Краткий обзор эскалации конфликта в Баткено-Исфаринском регионе показывает, что приграничный конфликт в Центральной Азии не может быть объяснен одним явлением и ограничен одной переменной первобытного межэтнического антагонизма. Существует множество факторов, объясняющих усиление противоречий между сообществами. В данной работе выявлены четыре переменные, усугубляющие напряженность и препятствующие восстановлению мирной социальной структуры в регионе: не устранённые спорные вопросы еще советского прошлого, неэффективное использование природных ресурсов, милитаризация приграничной зоны и отсутствие научно-доказательного подхода в принятии политических решений.

Поскольку эта работа основывается на нормативных устремлениях, автор надеется, что национальные акторы и международное сообщество реализуют изменения, необходимые для предотвращения возникающих конфликтов, и превратят Баткено-Исфаринский регион в место, свободное от противостояний и враждебности. В конце концов, в фольклоре центральноазиатских народов славятся дружба и гостеприимство, и для доказательства этой точки зрения необходимы эмпирические основания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Азар Е. (1990). *The management of protracted social conflict: Theory and cases*, Хэмпшир: Dartmouth Publishing Company Limited.
- Азаттык (2014а). Кыргызстан-Таджикистан: чего ожидать от переговоров?, 13 января [в режиме онлайн], ссылка: <http://rus.azattyk.org/a/25228797.html> [11 апреля 2017 года].
- Азаттык (2014б). Строительство дороги Ак-Сай – Кок-Таш продолжается, 12 января [в режиме онлайн], ссылка: <http://rus.azattyk.org/a/25227290.html> [4 апреля 2017 года].
- Азия-Плюс (2014). Кто первым открыл огонь на таджикско-кыргызской границе?, 11 января [в режим онлайн], ссылка: <https://news.tj/ru/news/kto-pervym-otkryl-ogon-na-tadzhiksko-kyrgyzskoi-granitse> [5 апреля 2017 года].
- Бейли Н. (2017). St. Petersburg subway bomb: 5 Things to know about Central Asia', *NBC News*, 4 апреля [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.nbcnews.com/news/world/st-petersburg-subway-bomb-5-things-know-about-central-asia-n742436> [23 апреля 2017 года].
- Бердаль М. (2003). How «new» are «new wars»? Global economic change and the study of civil war, *Global Governance*, изд. 9, № 4, с. 477–502.
- БиБиСи (2017). Turkey nightclub attack: IS says it carried out shooting, 2 января [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.bbc.com/news/world-europe-38487509> [23 апреля 2017 года].
- Бишель К. (2005). In search of harmony: repairing infrastructure and social relations in the Fergana Valley, *Central Asian Survey*, изд. 24, № 1, с. 53–66.
- Бишель К. (2009). *Conflict transformation in Central Asia*, Абингдон: Routledge.
- Бурская З. (2015). Таджикистан, Россия, далее ИГИЛ, *Current Time*, 22 декабря [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.currenttime.tv/a/27442533.html> [12 апреля 2017 года].
- Винсон М. (2014). Border clashes with Kyrgyzstan threaten Tajikistan's regional integration, *Eurasia Daily Monitor*, изд. 11, № 94, 20 мая [в режиме онлайн], ссылка: <https://jamestown.org/program/border-clashes-with-kyrgyzstan-threaten-tajikistans-regional-integration/> [28 марта 2017 года].
- Вольф А. (1998). Conflict and cooperation along international waterways, *Water Policy*, изд. 1, с. 251–265.
- Готье-Вилларс, Д. и Хиншоу, Д. (2017). Stockholm attack puts focus on terrorists from Central Asia., *The Wall Street Journal*, 9 апреля [в режиме онлайн], ссылка: <https://www.wsj.com/articles/stockholm-attack-puts-focus-on-terrorists-from-central-asia-1491764083> [24 апреля 2017 года].
- Д.Т. (2014). The post-imperial chessboard, *The Economist*, 1 апреля, [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.economist.com/blogs/banyan/2014/04/enclaves-central-asia> [9 февраля 2015 года].
- Де Мартино Л. (2001). *Peace initiatives in Central Asia: An inventory*, Женева: Чимера.

- Динер, А., Леджик, А. и Рекавек, К. (2015). Ready to go? ISIS and its presumed expansion into Central Asia', Польский институт международных отношений, № 19.
- Даффилд М. (2001). *Global governance and the new wars: The merging of development and security*, Лондон: Zed Books.
- Зозуля М. (2015). На границе Баткенской области и Таджикистана произошел конфликт, 3 августа [в режиме онлайн], ссылка: http://www.vb.kg/doc/321945_na_granice_batkenskoj_oblasti_i_tadjikistana_proizoshel_konflikt.html [10 апреля 2017 года].
- Иващенко Е. (2015). Кыргызстан: кто уезжает воевать в Сирию, *Fergana News*, 20 ноября [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.fergananews.com/articles/8774> [12 Apr 2017].
- Изгуэрдо Л., Стангерхоген М., Кастилло Д., Никсон Р., Хименез Г. (2010). Water crisis in Central Asia: Key challenges and opportunities, New School University.
- Калдор М., Мартин М., Селчоу С. (2007). Human security: A new strategic narrative for Europe, *International Affairs*, изд. 83, № 2, с. 273–88.
- Калдор, М. (1999). *New and old wars*, Кембридж: Polity Press.
- Калывас, С. (2001). New and «old» civil wars: A valid distinction?, *World Politics*, изд. 54, № 1, с. 99–118.
- Кин, Д. (2012). Greed and grievance in civil war, *International Affairs*, изд. 88, с. 757–77.
- Knews* (2014). Строительство автодороги Кок-Таш – Аксай – Тамдык – будет доведено до конца, 12 января [в режиме онлайн], ссылка: <http://knews.kg/2014/01/stroitelstvo-avtodorogi-kok-tash-ak-say-tamdyk-budet-dovedeno-do-kontsa/> [11 апреля 2017 года].
- Койчиев А. (2003). Ethno-territorial claims in the Ferghana Valley during the process of national delimitation, 1924-7; под ред. Эверетт-Хиф Т. *Central Asia: Aspects of transition*, Лондон: Routledge Curzon, с. 45–56.
- Коллье, П. и Хёффлер, А. (2004). Greed and grievances in civil war, *Oxford Economic Paper*, изд. 56, № 4, с. 563–95.
- Леонард П. (2015). Tajikistan and Kyrgyzstan: Interethnic clash shines light on fraying social fabric, *Eurasia.net*, 11 августа, [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.eurasianet.org/node/74631> [19 января 2017 года].
- Лемон, Э. (2016). *Governing Islam and security in Tajikistan and beyond: The emergence of transnational authoritarian security governance*, диссертация, Эксетерский университет.
- Матвеева А. (2017). Divided we fall ... or rise? Tajikistan–Kyrgyzstan border dilemma., *Cambridge Journal of Eurasian Studies*, изд. 1, с. 1–20.
- Мегоран Н. (2000). Calming the Ferghana Valley experts, *Central Asian Monitor*, № 5, с. 20–25.
- Международная кризисная группа (2015). Syria calling: Radicalisation in Central Asia. Бишкек/Брюссель: Брифинг Европы и Центральной Азии, № 72.
- Международная кризисная группа (2016а). Kyrgyzstan: State fragility and radicalisation. Ош/Бишкек/Брюссель: Брифинг по странам Европы и Центральной Азии, № 83.
- Международная кризисная группа (2016б). Tajikistan early warning: Internal pressures, external threats», Бишкек/Брюссель: Брифинг по странам Европы и Центральной Азии, № 78.

- Митчелл В. (1973). The hydraulic hypothesis: A reappraisal», *Current Anthropology*, изд. 14, № 5, с. 532–534.
- Мурзакулова А. и Местре И. (2015). *Natural resource management dynamics in border communities of Kyrgyzstan and Tajikistan*, Бишкек: Университет Центральной Азии.
- Назриев С. (2017). Глава Хатлона обеспокоен большим количеством бохтарцев в Сирии, *Азия-Плюс*, 21 января [в режиме онлайн], ссылка: <https://news.tj/ru/news/tajikistan/security/20170121/glava-hatlona-obespokoen-bolshim-kolichestvo-bohtartsev-v-sirii> [13 апреля 2017 года].
- Нанн, С., Рубин, Б. и Любин Н. (1999). *Calming the Ferghana Valley: Development and dialogue in the heart of Central Asia*, Нью-Йорк: The Century Foundation Press.
- Насименто Д. (2011). The (in)visibility of war and peace: A critical analysis of dominant conflict prevention and peacebuilding strategies in the case of Sudan. *International Journal of Peace Studies*, изд. 16, № 2, с. 43–57.
- Национальный статистический комитет Кыргызской Республики (2016). Численность населения Кыргызской Республики за 1 января 2016 года, [в режиме онлайн], ссылка: <http://stat.kg/ru/statistics/naselenie/> [23 апреля 2017 года].
- Ниберг П. и Мастерс Дж. (2017). Sweden terror suspect “confesses” to Stockholm attack, 11 апреля [в режиме онлайн], ссылка: <http://edition.cnn.com/2017/04/11/europe/stockholm-terror-attack-rakhmat-akilov/> [23 апреля 2017 года].
- Осипов А. (2004). Ферганские события 1989 года: конструирование этнического конфликта; под ред. Абашина С. и Бушкова В.; *Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты*, Москва: Наука, с. 164–223.
- Открытое обращение к Международной кризисной группе от исследователей Центральной Азии (2017) «Understanding Islamic radicalization in Central Asia», [в режиме онлайн], ссылка: <http://thediplomat.com/2017/01/understanding-islamic-radicalization-in-central-asia/> [31 января 2017 года].
- Патель П. (2012). Causes of conflict; в редакции Ховарда Н., Сондорпа Е. и Виина А. *Conflict and health*, Мейденхед: Open University Press, с. 5–13.
- Продовольственная и сельскохозяйственная организация Организации Объединенных Наций (без даты) «АКВАСТАТ», [в режиме онлайн], ссылка: http://www.fao.org/nr/water/aquastat/maps/World-Map.TRWR.cap_eng.htm [23 января 2017 года].
- Рамсботам О. (2005). The analysis of protracted social conflict: A tribute to Edward Azar, *Review of International Studies*, изд. 31, № 1, с. 109–26.
- Ресурсный центр джамоата Ворух (2011). *Potential for peace and threats of conflict: Development Analysis of cross-border communities in Isfara district of the Republic of Tajikistan and Batken district of the Kyrgyz Republic*.
- Ривз М. (2005). Locating danger: Konfliktologiiia and the search for fixity in the Ferghana valley borderlands, *Central Asian Survey*, изд. 24, № 1, с. 67–81.
- Ривз М. (2014). *Border work: Spatial lives of the state in rural Central Asia*, Итака: Cornell University Press.
- Роджерс, П. (2007). Peace studies; под ред. Коллинса А. *Contemporary security studies*, Оксфорд: Oxford University Press, с. 35–52.

- Ротар И. (2012). Will the Fergana Valley become a hotbed of destabilization in Central Asia?, *Eurasia Daily Monitor*, изд. 9, № 180, [в режиме онлайн], ссылка: <https://jamestown.org/program/will-the-fergana-valley-become-a-hotbed-of-destabilization-in-central-asia/#sthash.9cOpH81M.dpuf> [12 января 2017 года].
- Саидов А., Анарбаев А. и Горячева В. (2011). The Ferghana Valley: The pre-colonial legacy; под ред. Старр Д., Бешимов Б., Бобокулов И. и Шозимов П. *Ferghana Valley: The heart of Central Asia*, Нью-Йорк: М.Е. Sharpe, с. 3–28.
- Сафар Т. (2011). Весна – горячая пора для таджикско-кыргызских отношений?, Радио Свободная Европа/ Радио Свобода, 24 марта [в режиме онлайн], ссылка: http://www.ozodi.org/a/chorkuh_isfara_kyrgyzstan/2348352.html [11 апреля 2017 года].
- Слак Дж., Мартинес Д., Ли А., Уайтфорд С. (2016). The geography of border militarization: Violence, death and health in Mexico and the United States, *Journal of Latin American Geography*, изд. 15, № 1, с 7–32.
- Слим Р. (2001). The Ferghana Valley: In the midst of a host of crises; под ред.Тонгерена П., Виина Х. и Верховена Дж. *Searching for peace in Europe and Eurasia: An overview of conflict prevention and peacebuilding activities*, Боулдер: Lynne Rienner.
- Спутник (2015). Конфликт между гражданами Кыргызстана и Таджикистана в селе Кок-Таш, 4 августа [в режиме онлайн], ссылка: <https://ru.sputnik.kg/infographics/20150804/1017166313.html> [10 апреля 2017 года].
- Спутник (2016). Кабмин одобрил делимитацию 519 км границы с Таджикистаном», 16 января [в режиме онлайн], ссылка: <https://ru.sputnik.kg/politics/20160116/1021605681.html> [24 апреля 2017 года].
- Старр Ф. (2011). Introduction; под ред. Старра Д., Бешимова Б., Бобокулова И. и Шозимова П. *Ferghana Valley: The heart of Central Asia*, Нью-Йорк: М.Е. Sharpe, с. Ix–3.
- Табышалиева А. (1999). *The challenge of regional cooperation in Central Asia: Preventing ethnic conflict in the Ferghana Valley*, № 28, Вашингтон, округ Колумбия: United States Institute of Peace.
- Токтоналиев Т., Олимова Л. и Пирназаров Н. (2014). Kyrgyz-Tajik row after border clash, Институт по освещению войны и мира, 15 января [в режиме онлайн], ссылка: <https://iwpr.net/global-voices/kyrgyz-tajik-row-after-border-clash> [3 апреля 2017 года].
- Толканов Б. (2017). Обе стороны конфликта на кыргызско-таджикской границе – о чем говорят, 23 января [в режиме онлайн], ссылка: <https://ru.sputnik.kg/analytics/20170123/1031403221/chto-proizoshlo-na-granice-kyrgyzstana-i-tadzhikistana.html> [11 апреля 2017 года].
- Томпсон К. и Хезершоу Дж. (2005). Discourses of danger in Central Asia: Introduction, *Central Asian Survey*, изд. 24, № 1, с 1–4.
- Тосет Х., Гледич Н. и Херге Х. (2000). Shared rivers and interstate conflict, *Political Geography*, изд. 19, № 8, с. 971–996.
- Триллинг Д. (2014). Kyrgyzstan-Tajikistan: What’s next after border shootout?, *Eurasianet.org*, 13 января, [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.eurasianet.org/node/67934> [8 февраля 2016 года].

- Турмуш (2014а). ГПС сообщает подробности инцидента на кыргызско-таджикском участке границы в Баткенском регионе, 8 мая [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.turmush.kg/ru/news:57661> [11 апреля 2017 года].
- Турмуш (2014б). Замглавы МВД Асанов К. посетил жителей сел Баткенского района, где во время приграничного инцидента были сожжены ряд объектов, 15 мая [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.turmush.kg/ru/news:58559> [11 апреля 2017 года].
- Уайт Г. (1994). Civil society, democratization and development (I): Clearing the analytical ground, *Democratization*, изд. 1, № 2, с. 375–390.
- Кабар (2014). Участок в 0,78 соток на трассе Кок-Таш – Аксай – Тамдык, который оспаривал Таджикистан, принадлежит Кыргызстану – А. Маматалиев, 14 мая [в режиме онлайн], ссылка: <http://old.kabar.kg/rus/society/full/79246> [11 Apr 2017].
- Хамидов А. (2009). Fergana Valley: Stringent border measures fuelling tension in enclaves, *Eurasianet.org*, 12 августа, [в режиме онлайн], ссылка: <http://www.eurasianet.org/departments/insightb/articles/eav081309.shtml> [8 февраля 2016 года].
- Хезершоу, Дж. (2010). Conflict transformation in Central Asia: irrigation disputes in the Fergana Valley, рецензия, *Central Asian Survey*, изд. 29, №. 1, с. 133–35.
- Хезершоу, Дж. и Монтгомери Д. (2014). The Myth of Post-Soviet Muslim Radicalization in the Central Asian Republic, Chatham House: The Royal Institute of International Affairs.
- Хилнани, С. (2001). The development of civil society; под ред. Кавирадж, С. и Хилнани С. *Civil society: History and possibilities*, Кэمبرидж: Cambridge University Press, с. 11–32.
- Холики, А. и Рахимов Н. (2015). Disputable territories as hotbeds of tension on the border; Бюллетень Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, с. 188–196.

